

— Майя Михайловна, ваш образ живой богини не тяготит ли вас временами?

— Это скорее приятно. Но я над этим стараюсь не задумываться. Нет. Мне одно только приятно: люди идут на мои спектакли. С восторгом, со слезами приходят ко мне после за кулисы. И я чувствую, что я нужна. Мне говорят, что я должна быть с ними, должна быть для вас. Иногда даже очень трагически: "Не покидайте сцену, не покидайте нас, потому что у нас ничего больше в жизни нет". Меня это до слез трогает, и я понимаю, что нужна.

— Вы когда-нибудь думали о том, что вас будут так воспринимать?

— Как бы меня ни называли — богиня, не богиня, — я все-таки живой человек. А все люди — одинаковые, со своими мечтами и ожиданиями.

Но я ничего не планировала. Я даже на завтра не планирую, потому что очень реалистично смотрю на мир. Мы знаем, что мы не знаем, что будет завтра. Точно можно сказать только про то, что было, но это уже неинтересно. Поэтому жить нужно сегодняшним днем.

Если планировать подробно и серьезно, мы исключаем вариант случая. А как его можно избежать? А я верю в счастливый случай. Конечно, очень много зависит от человека, очень много, но не все!

— Майя Михайловна, у всех, вероятно, складывается впечатление, что питаешься вы нектаром и амброзией, а одеваешься в хитон...

— На самом деле, конечно, не так. Хожу я в высоких теплых ботинках, потому что я очень люблю тепло. Я отношусь к людям, которые называются мерзляки. Наверное, это с детства. Детство прошло на Шпицбергене, в холодах.

Я люблю трикотаж. Трикотажная шерсть — самая лучшая ткань. Уютно, тепло, и в чём-то удобно возвозить, не мнется. Ткани, которые мнутся, противопоказаны для балерины.

И я никогда не соблюдала диету! Это моя беда. Я всегда мучаюсь, страдаю. И только перед спектаклем я берусь за ум.

На самом деле я гораздо обычнее, чем принято обо мне думать.

— А кто вам впервые сказал, что вы красавица?

— Вы знаете, я этого не поняла до сих пор. Я так не считаю. Я не держу себя за красавицу.

И когда мне говорят, какая я красавица, не верю. Вы знаете, может быть, я не уродина. Но думаю, что и не красавица.

— А вы сразу смирились с тем, что вы рыжая?

— Рыжие, конечно, не приветствовались никогда. И я даже знаю деревенских, которые косынкой до бровей закрывали голову, чтобы не было видно рыжих волос. Но, с другой стороны, я знаю огромное количество людей, которые красятся в рыжий цвет хной. Получают даже красные.

В раннем детстве дразнили — "рыжая-рыжая", — но я как-то не особенно расстраивалась. А в балетной школе уже никто не дразнил.

— Не пересекались ли вы когда-либо с другой известной русской рыжей — Аллой Пугачевой?

— Я с ней почти никогда не говорила. Мы как-то просто поздоровались за кулисами. Но диалога и разговора между нами никогда не было. Я была очень тронута, когда мне дали Героя Соцтруда, а она позвонила и поздравила. Это было 12 лет назад.

У Пугачевой есть песня "Балет" — это неизменно связано со мной. Она брала движения из моего маленького балета "Большая Роза" Ролана Пети.

Я знаю, что ее дочь хотела идти в балет, но Головкина ее выгнали из балетной школы. Или не приняла. Здесь я не уверена.

— Среди ваших многочисленных поклонников — и знаменитейший модный фотограф Ричард Аведон...

— Да, фотографии Ричарда уже стали классикой. Особенно знаменита эта, с волосами. Почему-то думают, что я в парике. Нет! Это мои собственные волосы, просто их начесали...

Аведон пригласил меня в свою студию, когда мы приезжали в Америку в первый раз, в 59-м году. Тогда в журнале "Вог" была моя фотография в мехах (эти меха мне дали на время съемки, а потом забрали! Вечно все придумывают!). А потом, когда я была в третий раз в Нью-Йорке, в 66-м году, Аведон меня пригласил в свою студию и сделал много-много фотографий. Там были не только портреты, но и сценические снимки. Он сделал Одиллию в черном, он сделал "Ромео и Джульетту".

Я пришла с костюмами. Он стоял с аппаратом, тогда в моду только входили зонты для света, бегали мальчики-помощники. Включена была музыка, он говорил: "Танцуйте!". И я танцевала Лебедя, а он — снимал. Почти как кино. И когда кончалась пленка, тут же в руках у Аведона был аппарат, без секундной паузы.

Это была съемка для журнала "Америка". В то время журнал был большого формата, и там было опубликовано несколько моих снимков. И в рост, и портреты.

— А вы сразу смирились с тем, что вы рыжая?

— Да! Мною ничего не накоплено. Все раздарено, потерянно, забыто. Я всегда покупаю. Я люблю этот процесс. Я покупаю постоянно, покупаю много и все подряд. И потом через полчаса забываю, что я купила и зачем мне это надо. Иногда это попадает под руку: "А надо же!"

Люблю процесс покупок, но не процесс накопления!

— Как вас утешают, когда что-то не ладится?

— Утешает меня только Щедрин. Он всегда знает, что сказать и как поступить.

Щедрин убежден в том, что я лучше всех.

А такого человека, как он, вообще на свете больше нет.

— Как вы думаете, Щедрин бы стал тем Щедрином, если бы не был вашим мужем?

— Конечно! Но у него была бы музыка другая. У него бы произведения были другие.

— А Плисецкая стала бы Плисецкой, если бы не вышла замуж за Щедрина?

— Думаю, что нет. Потому что если бы не было спектаклей, которые он сделал для меня специально, то я бы кончилась гораздо раньше.

Наше семейное счастье — это счастливый случай. Мы могли бы не встретиться.

— И вот Плисецкая появляется зимой в Москве. Издали она напоминает неизменное создание. Длинный черный силуэт, лицо будто в чадре — бэтменовские черные очки и надвинутая на лоб шапка-юта, — появляется из машины с темными стеклами и в сопровождении дюжин охранников исчезает за дверьми концертного зала...

Она лучится в свете софитов, исто- чает ульбку и приседает в своем знаменитом реверансе. Толпа страждущих прикоснется-поговорить-умилиться-пообщаться несется за кулисы. Приходит министр культуры Наталья Дементьева. Две дамы в черном. Маленькая подвижная Плисецкая и высокая дородная Дементьева. Подобающие слушают комплименты, восторги.

— Как бы мне хотелось с вами побольше побеседовать! — восклицает Дементьева.

— Так идемте с нами сегодня ужинать в "Максимс", там и поговорим, — улыбается хозяйка бала.

— Сегодня, к сожалению, не получится. Вы же знаете, Свиридов... — печально — Дементьева.

— Да-да, я знаю. Но что же вы хотите? 82 года, и на том спасибо, — с удивлением — Плисецкая...

— Майя Михайловна, а вы когда-нибудь думали, что к вам за кулисы будет приходить министр культуры и очень

— Женское очарование дается от рождения или приходит с годами?

— Я думаю, что дело в воспитании. Природа человека передается по генам. Природная интелигентность, обаяние, так или бестактность. Так же, как глупость и ум, — это генетически дается. Талант, бездарность и так далее.

В какой среде растет ребенок, кто его окружает, — это играет огромнейшую роль.

Правда, плохой характер можно воспитать, но переделать нельзя.

Но знаете, женщина всегда должна оставаться женщиной. Если она превращается в мужчину, это ужасно непривлекательно... И она мать. И когда она беременная, и когда у нее менструация, то она вообще злая. И это нормально! Как волчица. Она загрызет, если есть щенята. Тут есть о чем

вежливо просить аудиенции?..

— Нет! Никогда! До чего мы дожили — мы не думали, что до этого дожили.

Мной всегда двигала любовь к своему искусству, к своей профессии. Я профессиональная балерина. И когда меня спрашивают: "Чем вы увлекаетесь кроме балета?" Я отвечаю: "Я балетом вообще не увлекаюсь!"

Это моя профессия, я ей занимаюсь всю жизнь, я ее очень люблю и считаю себя счастливой. Потому что я вообще считаю счастливыми тех, кто занимается любимым делом.

— Вы счастливый человек. А свободный?

— Я была несвободной. Свободу я почувствовала, когда вырвалась из клетки и смогла уехать, куда хочу. Если меня при

лась. Так обстоят дела на сегодняшний день, который, в общем, длится уже давно.

Иногда время здорово нами владеет, и мы ничего не можем поделать. Но иногда мы владеем временем. Возможности природные играют роль. Бывает всяческое. И когда говорят: "Ну, так не бывает!" Бывает! Все бывает! Может быть, что-то, что не бывает никогда, но один раз все-таки случается.

— Вы обидчивы?

— Я очень многое забываю. И бывают случаи, когда я вижу какого-то человека, лицо знакомое, а кто он, что, не помню. В общем, чуть не поцеловалась. А потом, ой, вспомнила... И даже у меня было однажды в дневнике, что этот человек мне сделал какую-то гадость и я с ним поссорилась. А если бы записи не было, никогда в жизни этого бы не вспомнила.

— В свое время вся Москва говорила о вашем трудном характере...

— Не надо предъявлять ко мне претензии, если я такая. Я-то никому не имею претензий! Ни к одному человеку в мире!

У меня есть родственники, которые говорят, что я стала известная и потому с ними не общуюсь. Они не говорят главного — они со мной не общались, когда моего отца посадили. А потом, когда я стала знаменитой, они решили быть моими родственниками. Но это дальние родственники.

А ближние... Одни претензии.

Мне трудно с людьми, у которых претензии. Потому что я ни у кого ничего не отдаю. Я никому ничего не должна. И тогда что отдавать, и почему, и за какие заслуги?

— Говорят, что за все в жизни приходится платить...

— В этой фразе есть большая доля правды. Это не всегда справедливо, и не все всегда за все платят. Но в большинстве случаев так. На себя я эту поговорку применяла. Я в своей жизни за многое плачу. Но подробности вам открывать не хочется, нет настроения в душе копаться...

Я всегда была обзанна и танцевать, и играть, и помогать, и давать деньги, будто бы мои родственники — инвалиды на колясках. Если человек сам может заработать — то почему я должна на них работать?

У меня есть двоюродная сестра, я ее обожаю. Она чудесный человек. И ко мне поплыла претензия. Это дочка папиной сестры.

Матери, которая не работала, я отдавала все свое жалованье. Это было совсем другое дело.

— А подруги у вас есть?

— Я могу сказать просто, что есть люди, которые мне очень преданы. Совсем, без остатка. Это нужно ценить, понимать и какие-то недостатки прощать.

Абсолютная преданность есть ко мне и со стороны мужчин и со стороны женщин.

У нас в семье 37 лет прожила наша домработница Катя. Она умерла 2 года назад. Она была моей подругой, членом семьи.

Катя приехала из деревни, потому что там гоняли на торф, на корчевание пней, они там, как рабы, жили. Крепостное право — это просто земной рай по сравнению с тем, что пришлось вынести Кате. Ее мать сказала: "Катя, тебе все равно не дадут

Майя Плисецкая... Выдох. Пауза.

Великая. Величайшая...

Балетная легенда.

Если восторг, то в

превосходной степени.

Если слава, то без

границ пространства и времени.

Если цифры, то из

Книги рекордов Гиннеса.

Феномен. Символ. Казус.

Аnekdot. Песнопения

бесконечны.

Хор и статисты меняются.

А Плисецкая остается!

Для всех и назло всем.

Остановись, мгновенье,

ты прекрасно!

Уже наскучили бравурные

восторги и ехидности на тему,

сколько длится ее танец.

А банальное любопытство

сменяет

фаустовский интерес.

жити дома, уезжай в Москву!"

Деревня Катина в 40 километрах под Арзамасом. Десять километров нужно идти пешком — не было дороги. У них даже говорили старинный. Иногда я говорила: "Катя, что так странно в деревне у вас говорят?" А потом я эти странные слова читала у Пушкина. А те слова, которые мы знаем, имеют другое значение. Например, "смутилась". Мы знаем, что человек, который застеснялся, покраснел — смутился. А она, например, что считает и говорит: "Ой, я смутилась!" Смута в голове! Значит перепутала. Другой совсем смысл! А я эти выражения за Катей даже записывала в свой дневник.

— В итоге я нахожусь в воздухе.

Все время полеты-перелеты.

Есть изумительная семья в Америке, они живут во Флориде, и мы обожаем гостить у них. Это русские. Челищевы. С очень интересной родословной. Муж — потомок баварских королей. Своим генеалогическим древом они очень гордятся. Жена — прямой потомок Натальи Николаевны Гончаровой. Дядя Челищева работал помощником у Дягилева. Они совершенно изумительные люди, прямо святые.

Мы едем специально, чтобы ничего не делать. Но Щедрин профессиональный рыбак, там, конечно, рыбачит. Там океан, полное счастья. Меня в полном покое не оставили, заставили дать мастер-класс.

— То есть на самом деле вы почти

не отдыхаете...

— Я не люблю долгих светских бесед, пустых разговоров. Это меня утомляет. Но природе я ленивая.

Я всегда любила импровизацию, и я всю жизнь любила танцевать. Но никогда не любила тренироваться и работать! Мне это каз